

Сов. культура, 1984, 23 февр, № 23

Великий советский писатель

Смерть не властна над гением. Я произношу эти слова и раз, и два, и три... повторяю их, как заклинание. А под натянутой кожей щек ходуном ходят желваки, тугой ком поднимается от сердца к горлу. Он умер. Его нет. И ты круглый сирота. Да что ты? Осиротела вся советская литература, потрясен весь ~~росси~~щенский мир, получив трагически-печальную новость. Более чем полвека мы жили, работали, творили, боролись и побеждали со светлой и радостной мыслью, что он среди нас и что он бесконечно наш. Магическое его слово окрыляло, было оно для нас надежной, упругой опорой. Для всех нас!

А что уж говорить о литераторах! Многие, написав строчку, вдруг останавливались, прочитывали ее глазами великого вешенского станичника и тут же рвали на клочки от одной мысли, что это ему могло не понравиться.

Два или три года назад, то есть совсем недавно, мы, группа литераторов, провожали его из Москвы в Вешенскую. Как это бывает со всеми, долго толпились у входа в вагон на московском вокзале. Лишь на последней минуте он ушел в свое купе; потом мы увидели его, махающего нам рукой, потом один за другим побежали мимо нас вагоны, на каждом из коих большими буквами было начертано: «Тихий Дон». И тогда-то вспомнилось, что где-то там, на юге, куда уносил сейчас поезд этого самого что ни на есть обыкновенного с виду человека с тихим, едва слышным голосом, есть колхоз, нареченный «Тихим Доном», есть где-то на дальнем Севере рыболовецкое судно с тем же именем, то же имя носит кооператив где-то в ГДР — и все это при жизни человека, сделавшего два эти слова — тихий Дон — столь значительными, что они теплой волной вливаются в наши души. Когда же и как это случилось?

Их было немного, совсем мало людей, которые по первым литературным опытам совсем юного и безвестного донского паренька поняли, что рождается, уже родился на Руси новый мо-

гучий писатель. Образ молодого орленка, раскинувшего могучие крылья, возник у Серафимовича именно при чтении ранних шолоховских рассказов. Орлу же, как известно, полагается иметь не только сильные крылья, способные вознести его в немыслимую высь, но еще и зоркий, опять же орлиный глаз, чтобы хорошо видеть все, что там, на земле, над которой парит он, гордый и бесстрашный. А на земле, случается, сотворяется такое, на что отважится прямо взглянуть лишь взор отважных.

Названия большинства шолоховских произведений обманчиво-нежные, ласково-лирические даже: «Родника», «Пастух», «Алешкино сердце», «Бахчевник», «Путь-дороженька», «Нахаленок», «Лазоревая степь», «Жеребенок» и, наконец, «Тихий Дон», который на проверку окажется вовсе не тихим; а в каждом из упомянутых и не упомянутых здесь рассказов — реки человеческой крови, которые впоследствии вольются в тот самый нетихий «Тихий Дон». Крепкое сердце надо иметь, чтобы один за другим, так вот, все подряд прочесть рассказы, написанные как бы уж не чернилами, а кровью, хлынувшей из разоренного сердца художника, не убоявшегося поведать миру суровую до беспощадности правду о великой революции.

В разные годы и по разным поводам мне приходилось писать об этом человеке. То были по большей части короткие заметки, которые и в совокупности не дадут, конечно, цельного портрета. Даже коллективные усилия окажутся для этого недостаточными: время, только оно, мудрое и несуетное, сделает то, что нам не по силам. Лишь оно сможет ответить, почему на протяжении более полувека имя Шолохова повторяется с каким-то особым, неизъяснимым чувством, почему народ полюбил его так, что, как выразился один наш современник-литератор, «диктаторски присвоил на веки вечные себе» и никому никогда не отдаст, почему обыкновенная казачья станица Вешенская стала для всего света вроде лите-

ратурной Мекки, почему творения одного из ее жителей трепетно близки и дороги и простому крестьянину, и рабочему, и академику.

«Тихий Дон» вышел из берегов и разлился по всему свету совершенно неожиданно лишь для тех, кто не приглядывался пристально к самым ранним шолоховским вещам, явившимся прекрасными, надежными заготовками для возведения здания, которому суждена жизнь на века.

Шолоховское восхождение было стремительным и бурным. На первые же главы, не ведая того, что они лишь начала гигантской четырехтомной эпопеи, читатели набрасывались с жадностью и, неуголенные, ждали, нетерпеливо и требовательно, следующих. И такое продолжалось четырнадцать лет — время, которое потребовалось художнику для его титанического труда. Первую фразу романа вывела рука юноши, а последнюю — рука зрелого мужа.

А мы читали и ждали, ждали и торопили, а некоторые, не ограничиваясь этим, отваживались на советы писателю: повести или привести Григория Мелехова туда-то, а Аксинью вернуть ее законному мужу, тогда, мол, и будет все так, как надо. А он работал, бесстрашный, честные глаза художника глядели лишь в глаза правде, а сам он прислушивался к ней и внимал лишь ее советам, о чем потом сам же и скажет: кому-то хотелось потрафить, кому-то угодить, а матушка правда не велит.

Она-то, эта матушка правда, и повелевала, водила рукой писателя, она-то и привела его пускай самым трудным, самым жестоким, но зато и самым коротким путем к нашим сердцам, в полную меру открывавшимся всегда, во все времена лишь правде, только ей одной, — не в том ли секрет всенародной, более того, всечеловеческой любви к Михаилу Александровичу Шолохову. Любовь же, как ведомо всем сущим на земле, вызывается лишь встречной любовью...

Теперь он ушел от нас.

Ушел, чтобы навсегда остаться с нами.

Донская земля, воспетая им с изумительной силой, навеки принимает его в свои объятия.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического
Труда.